

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТОЯННОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА (конец XIX — начало XX в.)

Колонизационная судьба Сахалина была определена в апреле 1869 г., когда остров официально был объявлен местом каторги и ссылки. С 1879 г. морским путем из Одессы туда начинают перевозить крупные партии осужденных. За один рейс перевозились около 500 ссыльнокаторжных мужчин, а с 1884 г. суда «Добровольного флота» осуществляли два рейса — весенний и осенний. Кроме того, еще одним рейсом перевозились ссыльнокаторжные женщины с детьми и добровольно следующие за осужденными жены и дети. В 1880—1890-е годы за один год таким путем попадало на остров до 1,5 тыс. человек и более¹. Апрель 1869 г. был формальным началом колонизации. Фактически же вольная крестьянская колонизация началась ранее.

В 1850-х годах на далеком острове были открыты месторождения каменного угля, и практически сразу же началась его добыча для нужд морского флота экипажами судов, с 1857 г.— присланной в пост Дуэ военной командой, а в 1861 г.— прибывшей для этих целей небольшой партией каторжан. Ссыльнокаторжные строили Дуэ, а также добывали уголь на Дуйских копях (так называемая «урочная выработка»). Отработав 1—2 года, осужденные возвращались на материк, однако некоторые из них не покидали остров, оставаясь там на добровольное жительство.

Приезжали на Сахалин и оседали там купцы, промышленники, которых привлекали разнообразные природные богатства, а также торговые связи с местным населением.

Еще одним источником формирования пришлого населения стали выходившие в запас солдаты 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, две роты которого дислоцировались на острове.

В самом конце 1860-х годов правительство предприняло попытку переселения на остров вольных крестьян. Переехать на Сахалин вызвалось восемь семейств, следующих в Амурскую область. В литературных и архивных источниках они именуются «тобольскими крестьянами». Другая группа переселенцев — выходцы из пяти селений Черемховской волости Балаганского округа Иркутской губернии. Всего на остров в 1869 г. приехал 101 человек² из Сибири. В 1860—1870-е годы население острова было немногочисленным, трудно говорить о преобладании какой-то одной его категории, но военного населения было явно больше, чем гражданского. Переселение на остров в тот период не приняло широких масштабов из-за политического статуса Сахалина как места ссылки и его географических особенностей.

В 1860—1870-е годы продолжалась крестьянская колонизация Сахалина, которая была искусственно прервана в самом начале. Принудительная же колонизация острова привела к тому, что в 1880-е годы основной по численности категорией его населения стало неполноправное, делившееся на три разряда: ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы, крестьяне из ссыльных.

Ссыльнокаторжные разрядов «испытываемых» и «исправляющихся» содержались, как правило, в тюрьмах. По окончании срока каторжных работ они переводились в разряд ссыльнопоселенцев и получали право жить в селениях, где должны были вести хозяйство. Через несколько лет ссыльнопоселенцы причислялись к «крестьянам из ссыльных» и имели право покинуть остров, поселиться на Дальнем Востоке или в Восточной Сибири.

Как свидетельствуют данные табл. 1, общее число каторжан в 1880—1890-е годы неуклонно росло. К середине 1890-х годов их численность достиг-

Состав населения острова в конце XIX — начале XX в.*

Структура населения **	1882 г.		1892 г.		1907 г.		1912 г.	
	тыс. человек	%						
Ссыльнокаторжные	3,500	62,5	5,511	27,4	5,822	16,2	—	—
Ссыльнопоселенцы	200	3,5	6,593	32,8	9,380	27,3	159	2,1
Крестьяне из ссыльных	—	—	1,050	5,2	8,025	23,7	1,502	19,8
Семейства ссыльных, а также крестьяне из детей ссыльных	670	12,0	4,300	21,4	8,386	24,7	5,196	68,7
Служащие по гражданскому и военному управлениям	1120	20,0	2,123	10,6	1,992	5,8	710	9,4
Остальное свободное население	110	2,0	509	2,6	759	2,3	***	—
Всего	5600	100	20,086	100	34,364	100	7,567	100

* Источники: ЦГАОР. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1191. Л. 19; ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1152. Л. 3, 19, 20; Д. 2126. Л. 168—170, 335—337, 532—533; Обзор Сахалинской области за 1912 г. (Приложение 2) П. Александровский, 1913. С. 4, 5.

** Численность аборигенного населения не учитывается.

*** Эта категория населения особо не выделена.

ла 6,5 тыс. человек³. При этом доля их в общей численности населения менялась, и весьма существенно. Если в 1882 г. каторжане составляли более 62,5% населения Сахалина, через 10 лет — 27,4%, то к началу XX в. их было всего лишь 17% (5822 человека)⁴.

Если процент каторжан постоянно снижался, то поселенцев увеличивался или снижался. За 10 лет — с 1882 по 1892 г. — их доля возросла с 3,6 до 33%. К началу XX в. на долю ссыльнопоселенцев приходилось 27% населения (более 9 тыс. человек)⁵.

Среди неполноправного населения более всего нас интересуют крестьяне из ссыльных. Вся дореволюционная литература по Сахалину пронизана теорией «всеобщего бегства». Суть ее — тезис о единственном, безудержном стремлении сахалинцев вырваться на материк. Если согласиться с тем, что «нет, кажется, на Сахалине человека, который бы не тяготился этой жизнью, не смотрел бы на нее как на что-то временное и не надеялся рано или поздно уехать с Сахалина⁶», то крестьян из ссыльных там должно быть минимальное число. В действительности же их было не так мало.

В 1880-е годы в крестьянство переводилась незначительная часть поселенцев. Судя по рапортам Александровского окружного начальника, в июне 1885 г. в округе «было перечислено» в крестьяне 5 поселенцев, в июле — 1, в августе — 3, в сентябре — 6, а в октябре и декабре — по 7 человек. Всего за вторую половину 1885 г. — 29 человек⁷.

В начале 1890-х годов крестьянами становятся осужденные, прибывшие на остров в 1870-е и 1880-е годы. Это уже не десятки, а сотни человек. К началу 1892 г. численность рассматриваемой категории населения впервые превысила 1 тыс. человек⁸, а в 1890 г. на острове было более 8 тыс. крестьян из ссыльных.

Среди свободного населения самая многочисленная группа — семьи ссыльных, которые сыграли важнейшую роль в формировании постоянного населения. Если в 1882 г. на острове было 670 жен и детей ссыльных, то в начале XX в. — более 8 тыс. человек.

Говоря о семьях ссыльных, мы имеем в виду прежде всего женщин, поскольку мужа за осужденными женами на Сахалин следовали очень редко. К 1890 г. во всех трех округах таких мужчин было всего 4 человека, женщин же — более 1,5 тыс.⁹ Женщины и дети, добровольно прибывшие на остров, явились самым прочным элементом колонизации, составили ядро населения, сформировавшегося к началу XX в. Сам факт прибытия семьи с материка уже служил

стимулом к обезлюдению хозяйством. На острове с основания каторги все ссыльнокаторжные, вне зависимости от срока осуждения и характера преступления, по прибытии семьи немедленно освобождались от содержания в тюрьмах и отправлялись на места основания новых селений. Самыми прочными хозяйствами в начале XX в. являлись те, которые велись семьями и были основаны в конце 1870-х годов. Ко времени русско-японской войны многие из них основательно окрепли, разрослись, война оказала на эти хозяйства наименьшее влияние.

Семейства, прибывшие на остров вслед за осужденными, подразделялись на три группы: семьи ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев и крестьян из ссыльных. Данные табл. 1 показывают, что в развитии семей у свободного населения наблюдаются аналогичные процессы. В 1880-е годы наиболее многочисленной группой были, как и следовало ожидать, жены и дети каторжных. В первой половине 1890-х годов на первое место по численности выходят семьи поселенцев, а со второй половины 1890-х годов — члены семей крестьян из ссыльных.

С семьями, добровольно последовавшими за преступниками, самым тесным образом связана еще одна группа свободного населения. Она появилась не сразу. В период первоначального заселения эта группа жителей по источнику не прослеживается. В конце 1880-х годов подрастают и становятся полноправными гражданами дети первых поселенцев, тогда в источниках и выделяется особая категория свободного населения — «крестьяне свободного состояния из числа детей ссыльных». Эту группу мы рассматриваем как одну из важнейших в формировании постоянного населения. В начале XX в. во всех трех округах острова насчитывалось 844 крестьянина данной категории¹⁰. Эта цифра показалась знатоку Сахалина А. А. Панову очень маленькой, он использовал ее в качестве важного доказательства, подтверждающего нестабильность населения. По мнению А. А. Панова, эта группа населения должна численно преобладать над остальными. Немногочисленна же она потому, что дети осужденных спешат при первой же возможности оставить остров.

На наш взгляд, дело тут не в не любви к Сахалину, а во временном факторе. Четверть века — это миг для истории, мал этот срок и для человеческой жизни. К началу XX в. еще незначительная часть детей каторжан стала полноправными хозяевами.

Природно-климатические условия Сахалина сложны. Крестьяне различных районов России, попавшие на остров, имели различный земледельческий опыт. На острове поселенцы нередко терпели неудачу, пытаясь вести хозяйство в соответствии с навыками, приобретенными на родине. Трансформация культурных навыков происходила медленно, дети поселенцев находились в весьма выгодном положении по отношению к своим же родителям. И коренные сахалинцы, и родившиеся на материке, но привезенные на остров в детском возрасте, имели к совершеннолетию опору в отцовских хозяйствах. Они с детства привыкали к своеобразным природно-климатическим условиям.

Детям ссыльных легче, чем их родителям, было адаптироваться к местным условиям и чисто психологически. Они воспринимали остров как свою родину, не рассматривали жизнь на нем как наказание, не сравнивали с другими местами. Архивные источники свидетельствуют, что взрослые дети ссыльных нередко оставались жить на Сахалине, когда их родители, имея налаженное хозяйство, покидали остров, так как стремились в конце жизни вернуться на родину¹¹.

Полевой материал также подтверждает эти наблюдения. Родители внуки каторжан А. Н. Самариной были родом из Рязанской губернии, отец приехал на Сахалин в 14, мать — в 12 лет. Через шесть лет семьи получили право выехать на родину. Семья отца осталась, а матери — разделилась, выехали только представители старшего поколения. Сама информатор говорит об острове: «Я привыкла на своем Сахалине. Никуда не бежала. Родилась и хочу

умереть здесь. И родители прожили, в Кировском похоронены, здесь и родители отца»¹².

Примеров, когда дети ссыльных прочно оседали на острове, много и по другим селениям. Скрупулезный анализ именного списка крестьян свободного состояния по селению Корсаковскому за 1891 г. показал, что все свободные крестьяне селения были из детей ссыльных¹³.

По статистической отчетности конца XIX — начала XX в. в особую группу населения выделяется «остальное (или прочее) свободное население». Исследование вопроса о происхождении этой категории жителей представляется делом непростым оттого, что в разных официальных документах эта группа иногда разбивается на более мелкие подгруппы. Подчас неясно, кто именно стоит за теми или иными цифрами.

Проведя сравнительный анализ месячных ведомостей начальников округов о переменах в списочном составе крестьян свободного состояния и их семейств за 1891, 1893, 1895, 1896 гг., а также годовых отчетов и ведомостей за те же годы, мы выявили, что это особая группа свободного полноправного крестьянского населения. В официальных источниках периода каторги их нередко рассматривают как вольных переселенцев с материка. Очевидно, и они могли быть в этой группе. Но более точно их следует называть вольными поселенцами, в этих названиях есть существенная смысловая разница.

Выявленные материалы свидетельствуют, что значительную долю среди вольных поселенцев составляли бывшие сахалинские ссыльные. Уловить процесс формирования этой группы населения возможно только при полном учете селений, скрупулезном поименном сравнении состава их жителей за ряд лет. Например, в списке свободных жителей слободы Александровской за 1884 г. указано 14 мужчин, 12 женщин и 18 детей. Анализируя список, мы видим, что 10 человек из 14, т. е. 71,4% домохозяев — старожилы. В. Вертулис, А. Булгаков, П. Кучма, Р. Путра, В. Скородумов, Д. Сысак были ссыльно-каторжными Дуйской команды или поселенцами Дуйской сельскохозяйственной фермы еще в начале 1870-х годов¹⁴. Парфенгий Козуленко был прислан на работы в угольные копи в начале 1860-х годов¹⁵. Цифра (более 71%) является минимальной, поскольку именными списками жителей различных селений мы располагаем начиная с 1884 г. О более раннем периоде имеются лишь отрывочные сведения. Подсчет сделан, исходя из абсолютно точных данных. По другим селениям Александровского и Тымовского округов процент бывших ссыльных среди вольных крестьян несколько меньший, чем в Александровской слободе, но нигде не падает ниже 50.

Одним из источников пополнения числа вольных поселенцев были низшие чины местной военной команды, которые после службы оставались жить на острове. В Александровском посту семейные нижние чины селились в так называемой «солдатской слободке»¹⁶.

В целом в рассматриваемый период число вольных поселенцев на острове росло (табл. 1). Этот рост мы относим за счет внутренних, а не внешних ресурсов. В архивах и публикациях нами не найдено материалов о прибытии на остров каких-либо значительных партий вольных переселенцев в тот период, хотя нельзя отрицать возможность переселения мужчин-одиночек для работы на угольных копиях, морских промыслах или занятий торговлей.

О существовании вольных переселенцев говорят и полевые наблюдения и материалы. Таковыми были бабка и мать старожила пос. Тымовское М. И. Ариндарчук. Она рассказала, что ее мать приехала на остров 17-летней девушкой с матерью и сестрой в конце 1880-х годов из Харьковской губернии. В семье хранится воспоминание, что приехали они «по путевке», т. е. были вербованные. На острове они пробыли меньше года. Старшая дочь вышла замуж и осталась, а мать с младшей не смогли привыкнуть, уехали, слишком не-

привычной оказалась для них обстановка¹⁷. Мы полагаем, что подобные случаи неорганизованного переселения были единичными.

Рассматривая вопрос о вольном переселении, необходимо принимать во внимание и психологические факторы. Трудно себе представить, что у свободных людей было большое стремление переселиться на остров. С одной стороны, никаких льгот и правительственной помощи, с другой — дурная слава каторги. Об острове распространялись самые страшные слухи.

Второй период (1879—1905 гг.) заселения острова был временем принудительной колонизации. Образование постоянного населения происходило при неблагоприятных обстоятельствах. В документальных и литературных источниках утвердилось мнение о стремлении сахалинцев покинуть остров. Так, начальник Тымовского округа в 1896 г. утверждал, что как только поселенцы становятся крестьянами из ссыльных, они «без долгих размышлений... поголовно останавливаются на Приамурском крае и покидают Сахалин»¹⁸. Всякие попытки вольной колонизации отрицались полностью и характеризовались не иначе как «большая мысль».

Несмотря на то, что на организацию каторжной колонизации были затрачены огромные суммы, а результаты были мизерными, правительство продолжало рассматривать остров только как место каторги. Работавшая на острове в 1899 г. правительственная комиссия еще раз подчеркнула: «Весь Сахалин служит пенитенциарным целям, местными центрами являются тюрьма, и все здесь существующее имеется ради тюрем и вследствие нахождения их здесь...»¹⁹.

К началу XX века среди населения острова произошли существенные изменения. Постоянное русское население в основном сложилось к началу XX в. Общая численность полноправного населения с учетом крестьян из ссыльных на несколько тысяч превышала число ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев. Семьи осужденных стали постоянными жителями острова. Уже не единицы и не десятки, а сотни семей жили в одних и тех же селениях десятилетиями, там же оседали семьи их детей, это стало массовым явлением.

На процесс дальнейшего формирования населения Сахалина большое влияние оказали события русско-японской войны 1904—1905 гг., положившие конец сахалинской каторге. Нормальное течение жизни было прервано, военные действия принесли жителям большие материальные убытки. Населению юга острова, отошедшего к Японии, пришлось спешно бросать обжитые места, имущество и эвакуироваться на материк.

В тот сложный период появляются планы дальнейшей колонизации острова. Делались попытки зачеркнуть прошлое Сахалина, а чтобы ничто не напоминало о пережитом, изменить и название русской части острова на область Невельского. В большинстве проектов основная ставка делалась, как и прежде, на развитие сельского хозяйства. Эти программы не отличались новизной. Разница заключалась лишь в том, что раньше упор делали на озимую пшеницу, а теперь на скотоводство и яровую пшеницу. В более разумных проектах развивалась идея промысловой колонизации²⁰.

Если судить о Сахалине по источникам и литературе конца XIX в., то после окончания военных действий остров должен был остаться пустым. Однако этого не произошло. Численность населения упала, но все-таки в декабре 1905 г. там находилось около 5,5 тыс. человек²¹. В 1905—1907 гг. шел процесс внутренней стабилизации населения. Часть его еще выезжала, но немало и вернулось. Этот процесс в количественном выражении был незначителен, он был скорее качественного порядка. На остров стремились старожилы, имевшие там хозяйственный интерес. Основанием для подобного предположения служат материалы Переселенческого управления МВД, занимавшегося устройством населения, покинувшего Сахалин в период военных действий. В журналах заседаний губернских присутствий по различным районам России содержатся многочисленные прошения крестьян, возвращенных на родину, о переселении их вновь на Сахалин.

Характерно прошение крестьянина А. Хейзы, поданное в мае 1906 г. черниговскому губернатору. А. Хейза, отбыв наказание в 1885 г., поселился в с. Хомутовка Корсаковского округа. Имел хозяйство — дом, сарай, баню, скот. В 1885 г. женился на крестьянке из ссыльных Матрене Драчевой, имел сына. Позже он просил его переселить на казенные земли в северной части Сахалина. Стоимость описанного при отъезде имущества — 1200 рублей. Л. Сепура находился на острове с 1894 г., в 1900 г. был перечислен в крестьяне. Его имущество оценивалось в 1500 рублей, сахалинца И. Рублева — в 800 рублей и т. д. Эти и другие бывшие сахалинцы, дела которых рассматривались в мае 1906 г., прожили на острове не менее 10 лет. На родине они жаловались на отсутствие заработков, земли, крайнюю нужду²². Известный знаток Дальнего Востока П. Ф. Унтербергер писал, что во время военных действий «масса получила право вернуться в Европейскую Россию и этим широко воспользовалась. Но уже через несколько месяцев бывшие сахалинцы начали возвращаться в Приамурскую область, и значительная часть их стремилась обратно на Сахалин»²³.

Данные табл. I показывают соотношение различных категорий населения острова²⁴ в 1907 г., когда свободные жители являлись численно доминирующей группой.

Что же в тот период представляло собой старожильческое население, сильно ли изменилось оно по сравнению с довоенным периодом? Мы провели поименное сравнение состава жителей двух старейших селений Александровского округа, опираясь на данные статистических карточек А. П. Чехова 1890 г., переписных листов Всеобщей переписи 1897 г. и именных списков жителей за 1909 г.

В селении Новомихайловском после русско-японской войны население количественно сократилось. В 1897 г. там проживало 472 человека, в 1909 г. — 277. Но было бы грубой ошибкой трактовать уменьшение абсолютных арифметических цифр как отсутствие постоянного населения. Подобные выводы делали многие очевидцы, посетившие остров после русско-японской войны. Увидев опустевшие селения, заброшенные дома, они приходили к заключению, что за весь предыдущий период не было сделано ничего полезного, колонизация не дала результатов, все предстоит начинать сначала. Если же обратиться к качественным показателям, картина будет иной.

Анализ именных списков показывает, что 73% жителей с. Новомихайловского в 1909 г. — это люди, которые там осели и начали вести хозяйство до 1896 г. Эта цифра минимальная, в действительности она могла быть и большей, если учесть, что в карточках А. П. Чехова имеются пропуски и мы не располагаем всеми без исключения переписными листами за 1896 г. В 1909 г. среди жителей селения было немало тех, кто здесь жил с 1870-х годов, т. е. практически со времени основания селения. К ним относятся семьи Н. Алфимова, С. Варфоломеева, И. Жигулина, М. Клещовой, Н. Матвеева, С. Потемкина, Е. Прохорова, И. Сыровой, Н. Трошина, М. Щербиной и др. Значительную группу жителей составляют те, кто поселился там в 1880—1883 гг.²⁵

В селении Корсаковском к 1909 г. численность населения упала не так значительно. В 1898 г. там было 56 хозяйств и 273 жителя. В 1909 г. — 40 хозяйств (71,8%) и 207 жителей (75,8%). Там также было прочное старожильское ядро. Семьи А. Живаго и А. Синельникова поселились в Корсаковском в 1870-х, а П. Жарского — в конце 1860-х годов. В 1880-е годы основали хозяйства Я. Дубель, М. Ломоносов, А. Васильева, М. Пальков, М. Бажинская²⁶.

В отчете сахалинского губернатора за 1909 г. отмечалось, что «население хотя медленно, но прирастает, занимается преимущественно земледелием, собирает урожай и вообще живет лучше, чем крестьяне средней России...»²⁷.

После окончания русско-японской войны начались работы по подготовке

к новой волне колонизации. В 1907 г. выяснилось, что, несмотря на многочисленные экспедиции по изучению острова в XIX в., земельный фонд учтен не был. Администрация острова смогла дать весьма приблизительную, почти «гадательную» цифру — 1500 кв. верст. Земельный фонд острова был признан Комитетом по заселению Дальнего Востока незначительным, были отвергнуты просьбы местной администрации о субсидиях на организацию переселенческого дела²⁸.

В марте 1908 г. остров был открыт для вольного (неорганизованного) заселения, но на процесс складывания населения это событие не оказало сильного влияния. В 1906—1909 гг. туда переселились шесть семей и одна одиночка, всего 30 душ²⁹. Сохранилось прошение крестьянина Полтавской губернии П. Тимченко на имя начальника Тымовского округа: «Прибыв сюда 23 июля 1909 г. в селение Усково... и купив дом с землею, намерен здесь на Сахалине поселиться навсегда... прошу выдать пособие на приобретение домашнего скота». С П. Тимченко приехали жена, трое сыновей в возрасте от 8 до 14 лет и две дочери 6 и 18 лет³⁰.

Одним из путей переселения был вызов родственников с материка. Две семьи из шести приехавших в 1908/1909 гг. были вызваны сахалинцами. В сентябре 1909 г. в Харьковскую губернскую землеустроительную комиссию обратился крестьянин с. Адо-Тымово Тымовского округа В. Усатый с ходатайством о разрешении его брату Павлу крестьянину с. Синявского Синявской волости Богодуховского уезда отправиться ходоком для осмотра переселенческих участков в Сахалинской области. Павлу Усатому было выдано «ходаческое» свидетельство³¹.

В те же годы начинается и промысловое переселение на морское побережье. Рыбные богатства западного побережья привлекли внимание рыбаков из России. Поступали прошения о переселении на залив Байкал, в район мыса Тымлово. Рыбаки Кубани просили переселить их на р. Виахту для артельного лова кеты, горбуши, осетра³².

Интересен состав жителей промысловых селений. В литературе их называют переселенцами-рыбаками, прибывшими с материка. Но анализ протоколов о водворении на рыболовные участки показывает, что там немало было и сахалинцев, особенно из южного округа.

Ценные сведения по заселению Сахалина начала XX в. содержатся в материалах Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г. (табл. 2). Подсчет производился по трем сельским волостям — Михайловской, Рыбновской, Тымовской.

Самое большое количество старожилов (ими считались уроженцы селений) зарегистрировала перепись в Тымовской волости. Наибольшее их число проживало в крупнейшем селении округа — Рыковском, а также в других старейших селениях — Дербинском, Малотымовском, Андрее-Ивановском. Анализируя данные табл. 2 по различным периодам заселения волости, еще раз можно убедиться в правильности предположения, что основной костяк жителей сформировался там до русско-японской войны и отмены каторги. Старожильческие семьи и семьи, жившие в волости до 1896 г., составили 53% от всего населения в 1917 г. Если сравнивать количество населения, проживавшего там до 1905 г., с количеством на момент переписи, окажется, что на долю послевоенных переселенцев приходится только 26% населения. Необходимо учесть, что среди переселенцев были не только выходцы с материка, как их чаще всего воспринимают, но и сахалинцы, мигрировавшие с оккупированного юга.

В Михайловской волости к группе старожилов отнесено немного семей — всего девять. Необходимо отметить, что для Сахалина вообще характерны внутростровные миграции. Собирая во время шести полевых сезонов сведения о населении острова конца XIX — начала XX в., мы практически не сталкивались с фактами совпадения места рождения и современного проживания

Состав сельского населения острова в 1917 г.*

Волость	Число хозяйств								Население		
	всего	поселенцев ранее 1896 г.	поселенцев с 1896 по 1900 г.	поселенцев с 1901 по 1905 г.	поселенцев с 1906 по 1910 г.	поселенцев с 1911 по 1915 г.	поселенцев с 1916 по 1917 г.	местных уроженцев	мужчины	женщины	итого
Михайловская	167	55	17	21	29	21	15	9	454	371	825
Тымовская	541	246	68	42	62	61	22	40	1594	1308	2902
Рыбновская	338	—	3	—	52	251	32	—	1284	515	1799
Всего	1046	301	88	63	143	333	69	49	3332	2194	5526

* Источник: Всероссийская сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись 1917 г. Вып. 1. Крестьянские хозяйства Приморской и Сахалинской областей. Владивосток, 1919. С. 147, 159.

информатора. В отношении Сахалина информация была бы гораздо интереснее, если бы понятие «старожил» трактовалось как уроженец острова, а не отдельного селения. Малое количество старожилов в Михайловской волости объясняется также тем, что при переписи в списки не были включены жители двух старейших поселений — Малая Александровка и пост Дуэ. Первое было, очевидно, отнесено к посту Александровскому, который, как и пост Дуэ, проходил по городской переписи.

Если же обратиться к истории появления в регионе семей, то выяснится, что в Михайловской волости, как и в Тымовской, значительное их число осело до 1896 г. В последние годы XIX в. прирост населения был незначительным. С начала XX в. и до русско-японской войны здесь появилась 21 новая семья. Если принять во внимание естественный прирост населения, то на долю возможных переселенцев остается совсем немного. В целом и старожилов, и население, осевшее до 1905 г., составляли в 1917 г. более 61% жителей волости. Наибольшее число послевоенных переселенцев относится к 1906—1910 гг. Здесь, вероятно, велики были миграции с юга острова.

Таким образом, по старейшим волостям острова — Михайловской и Тымовской — материалы переписи подтверждают стабильность населения на начало XX в. В послевоенный период переселенцы пополнили население, но в целом оно осталось старожильческим.

Несколько иная картина сложилась в Рыбновской волости. Судя по переписи, основное заселение ее происходило с 1911 по 1915 г. Первые несколько семей переселенцев отмечены в селении Рыбном в самом конце XIX в. 1910—1920-е годы были временем расцвета молодой Рыбновской волости. На северо-западном побережье образовались селения Северо-Астраханское, Луполово, Верещагино, Наумовка, Суворовка и др., ежегодно увеличивалась их численность, росло число хозяйств.

Большинство жителей Рыбновской волости действительно были вольными переселенцами с материка, что отличало данную «молодую» волость от «старых» — Тымовской и Михайловской. И тем не менее мы все-таки не склонны переоценивать роль вольного переселения на остров после отмены каторги и русско-японской войны. Во-первых, среди жителей Рыбновской волости было немало и коренных сахалинцев. Например, судя по протоколу о водворении домохозяев с семьями на участке Рыбном Рыбновского сельского общества от 6 апреля 1913 г., 48% домохозяев были сахалинцами³³. Во-вторых, рост населения Рыбновской волости в тот период объяснялся в основном развитием

рыбной промышленности; скачок произошел благодаря притоку наемной рабочей силы, что и зафиксировано в переписи. Многие промысловые селения существовали недолго, поэтому их жители интересуют нас гораздо меньше, чем стабильное сельскохозяйственное население Тымовской и Михайловской волостей.

Материалы переписи 1917 г., таким образом, подтверждают наше положение о стабильности русского населения в начале XX в. Неверно утверждение, что жители смотрели на свое пребывание на острове как на временное, а когда «им всем благодаря нашей войне с Японией представилась возможность сразу покинуть остров, они его покинули»³⁴. Сахалин покинули преступники и та часть осужденных, которые прибыли в самом конце XIX в., а не старожилы. Неблагоприятно сложившиеся обстоятельства не привели к запустению острова. Период с 1906 по 1917 г. был важным этапом в складывании населения, поскольку оно стабилизировалось и даже несколько выросло за счет внутренних источников, а не принудительных мер, как прежде.

Долговременное положение Сахалина как крупнейшей в России каторги привело к тому, что в колонизации острова господствовало административное начало. Тюремная администрация имела безграничную власть как над ссыльными, так и над лицами свободного состояния. Источники складывания населения здесь были весьма специфическими. Поэтому, исследуя процесс его формирования, мы обращали внимание не на абсолютные цифры роста населения, а на соотношение различных его категорий. Скрупулезный поименный анализ состава жителей старейших селений позволил уловить динамику перехода значительной части населения во все более и более свободное состояние, а также установить, что значительная часть жителей проживала в этих селениях на протяжении несколько десятилетий, сформировав «родовые гнезда». В рамках компактной, географически обособленной территории за исторически короткий срок возникла определенная территориальная общность — русское население Сахалина. Исследуемая общность сформировалась в силу однородности объективных условий жизнедеятельности, социально-экономической обстановки, единства территории.

Основным источником формирования постоянного населения стали прежде всего семьи осужденных, к которым затем присоединялись те, кто отбыл наказание. Об этом свидетельствует появление в конце XIX в. новой категории жителей — крестьян свободного состояния (из детей ссыльных). Точный учет поселений, данных об их жителях за довоенный и послевоенный периоды, позволили установить, что костяк постоянного населения, сформировавшегося к началу XX в., несмотря на события 1904—1905 гг., в целом сохранился.

Формирование постоянного русского населения Сахалина — один из кардинальных и наиболее сложных вопросов сахалинской истории. Результаты этого процесса напрямую связаны с освоением богатств острова, которое началось в середине XIX в. и продолжается в наши дни.

Примечания

¹ Например, в 1893 г. всего было перевезено на остров судами «Добровольного флота» 2233 человека. (О формировании партий ссыльнокаторжных для высылки их в 1893 г. на о. Сахалин.) // Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2329. Л. 129—142, 357—384 (подсчет наш).

² Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Карт. 2108. Л. 210—213.

³ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА). Ф. 1290. Оп. 10. Д. 230. Л. 110б.—12.

⁴ Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (далее — ЦГА ДВ). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321. 521.

⁵ Там же.

- ⁶ Панов А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. С. 216.
- ⁷ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 44. Л. 58, 61, 140, 142, 110, 117.
- ⁸ Там же. Д. 1152. Л. 1об.— 3, 19, 20.
- ⁹ Там же. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321, 521.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321, 521.
- ¹¹ Там же. Д. 24. Л. 27—28.
- ¹² Там же. Ф. 1133. Оп. 3. Д. 591. Л. 4об., 15 об.
- ¹³ Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (далее — НА СОКМ). Оп. 3. Д. 59. Л. 14.
- ¹⁴ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 591. Л. 4об., 15об.
- ¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 73. Карт. 2611. Л. 143, 151, 152.
- ¹⁶ Центральный государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 909. Оп. 2. Д. 23. Л. 125 об.
- ¹⁷ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 37. Л. 10—22, 29.
- ¹⁸ НА СОКМ. Оп. 3. Д. 185. Л. 2.
- ¹⁹ ЦГА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 40.
- ²⁰ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1230. Л. 3.
- ²¹ ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 701. Л. 2—3; Ф. 1276. Оп. 17. Д. 29. Л. 194 об.
- ²² Там же. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1148. Л. 19.
- ²³ Унтербергер П. Ф. Приамурский край в 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 209.
- ²⁴ Здесь и далее мы имеем в виду часть острова, принадлежавшую России.
- ²⁵ ЦГА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2—6. Ф. 702. Оп. 5. Д. 908. Лл. 1—4, 121—192;
- Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 331. Картон х. Лл. 3098—3414.
- ²⁶ Сведения о селениях на Сахалине // Сахалинский календарь на 1898 г. Б. М., 1898. С. 61;
- ЦГА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 11 об.
- ²⁷ ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 244 об.
- ²⁸ ЦГА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 213. Л. 13; см. также: ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 513. Л. 18.
- ²⁹ ЦГА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 50. Л. 100.
- ³⁰ Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 257, 260.
- ³¹ Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 310.
- ³² Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 213. Л. 22 об.
- ³³ Там же. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 9. Л. 39 об.— 40.
- ³⁴ Мельников В. Е. Дальний Восток. Амурская область и о. Сахалин. М., 1909. С. 26.

© 1991 г., СЭ, № 3

А. Р. Артемьев

ОБ УШКУЙНИЧЕСТВЕ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ (XIV—XV вв.)

Вопрос о социальном составе средневекового войска в Древней Руси не раз затрагивался в трудах ведущих отечественных историков¹. Однако наиболее интенсивно эта тематика разрабатывалась на богатейших материалах средневекового Новгорода², первая работа о военном быте которого вышла более столетия назад³.

Значительно меньше внимания (вплоть до последнего времени) уделялось, несмотря на имеющиеся в руках исследователей замечательные по своей подлинности псковские летописи, изучению войсковой организации ближайшего соседа Новгорода — Псковской вечевой республики. Именно эти материалы не